

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

Гуманитарные аспекты

ЧЕЛОВЕК ОЩУЩАЮЩИЙ:
ПЕРЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

2015

Е Ж Е Г О Д Н И К

Москва

Коллектив авторов
А. В. Нагорная
Человек. Образ и сущность
2015. Гуманитарные аспекты.
Человек ощущающий:
Перцепция в современном
гуманитарном знании
Серия «Проблемы человека»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612737

Человек. Образ и сущность 2015 Человек ощущающий: перцепция в современном гуманитарном знании.

Аннотация

Сборник включает материалы междисциплинарной научной конференции «Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании» (ИНИОН РАН, 6 апреля 2015 г.). Представлены работы отечественных исследователей, посвященные изучению различных аспектов восприятия как объекта изучения в гуманитарных науках, методологии и методики исследования перцептивных процессов, восприятия и когниции, вербалики изучаемой сферы.

Для специалистов широкого гуманитарного профиля.

Содержание

Введение	5
Introduction	10
Перцепция и информация	14
Теоретические проблемы перцепции в гуманитарных науках	33
Перцептивные феномены как объект исследования в современных гуманитарных науках	33
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Человек. Образ и сущность 2015 Человек ощущающий: перцепция в современном гуманитарном знании

Введение

В очередной номер Ежегодника вошли статьи, представленные участниками международной полидисциплинарной конференции «Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании», которая была организована Институтом научной информации по общественным наукам совместно с Институтом языкознания Российской академии наук и состоялась 6 апреля 2015 г.

Основные задачи конференции заключались в определении роли и места гуманитарных наук в изучении перцепции и обсуждении возможностей и перспектив взаимодействия наук гуманитарного цикла в исследовании перцептивных процессов.

Тематика конференции охватывала широкий круг фи-

лософских, социо-, психо- и культурологических, а также лингвистических проблем. В их числе: человек телесный как объект изучения в современных гуманитарных науках, структура дискурсивного пространства перцепции, методология и методика исследования перцептивных процессов, виды перцепции и их научное освещение, культурно-историческая обусловленность перцептивных процессов, перцепция и когниция, вербалика перцептивной сферы, перцепция в литературе и изобразительном искусстве и др.

Сборник открывается вступительной статьей Л.В. Скворцова «Перцепция и информация», в которой рассматриваются роль, ценность и сущность истины в современную информационную эпоху.

Сборник содержит шесть разделов.

В разделе первом «Теоретические проблемы перцепции в гуманитарных науках» представлены статьи, в которых излагаются методологические основы изучения перцептивных процессов.

Статья А.В. Нагорной содержит обзор современных гуманитарных исследований перцепции. Автор обосновывает актуальность перцепции как научной проблемы и рассматривает основные направления исследований перцептивных процессов в современных гуманитарных науках. В статье Д.Б. Никуличевой рассматриваются особенности восприятия времени и устанавливаются корреляции между внутренним ощущением времени, его художественной метафориза-

цией и языковыми категориями вида и времени. Феномен времени анализируется и в статье Н.С. Кудрявцевой, которая исследует его как ощущение и как философскую метафору. В статье И.В. Журавлева и Ю.В. Журавлевой рассматриваются методологические основы общей теории перцептивной деятельности и изучаются механизмы и приемы коммуникативного воздействия. С.С. Калинин изучает статус категории перцепции в теории У. Матураны, анализируя взаимосвязь перцепции и когниции. В статье И.А. Гусейновой описываются языковые средства визуализации *emotion* и *ratio* в поэзии У. Дреснер и К. Шульц. Д.Д. Трегубова обращается к вопросу о восприятии этничности и интерпретации категории «этническое самосознание». Г.В. Хлебников рассматривает место и роль перцепции в античной философской теологии, анализируя различные виды перцепции сверхъестественного.

Раздел второй озаглавлен «Лингвокультурный анализ объектов перцепции».

Он открывается статьей М.И. Киосе, в которой рассматриваются инференциальные и телесно-инференциальные техники концептуализации референта в английском и русском языках. В статье М.В. Ясинской описываются мифологические мотивы, связанные с представлениями о зрении у славян. Статья М.Б. Раренко посвящена способам концептуализации болевого ощущения в английской лингвокультуре. Е.Б. Яковенко изучает способы вербализации интероцеп-

тивных ощущений в библейских текстах.

Раздел третий сборника озаглавлен «Экспериментальный анализ перцептивных процессов».

В статье М.В. Хитиной исследуется смысловое восприятие звучащих текстов. Э.Б. Яковлева описывает аудитивный эксперимент, проведенный с целью изучения когнитивных особенностей перцептивного поведения носителей разных языковых культур. В статье А.М. Кузнецова рассматривается проблема представления значения слова в толковом словаре и описывается эксперимент с опросом информантов – носителей языка, призванный выявить недостатки существующих дефиниций. Р.К. Потапова и Л.Р. Комалова представили результаты экспериментального исследования восприятия агрессии, основанного на слуховом образе.

В разделе четвертом анализируются проблемы перцептивной семантики.

В статье И.В. Зыковой изучается роль перцепции в процессе формирования значения фразеологизмов. Л.В. Молчанова выявляет закономерности организации лексико-семантического поля зрительного восприятия в немецком языке. О.В. Чалей исследует проблему семантического описания вкусовой перцепции. В статье Г.В. Дуриновой анализируется семантическая структура поэмы М. Цветаевой «Попытка комнаты».

В разделе пятом представлены статьи, объединенные общей проблемой «Теория перцепции и дискурс-анализ».

В статье Е.О. Опариной анализируются способы метафорической концептуализации психоэмоциональной стороны актерской работы и приемов актерской игры в театральном дискурсе XX в. Г.М. Фадеева исследует особенности восприятия музыки и живописи в лингвистической перспективе. В статье М.В. Томской выявляются особенности восприятия мультимедийных презентаций студентами. Н.Н. Трошина исследует концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА и анализирует роль концептуальных опор дискурса в формировании социальной перцепции. С.С. Сергеев исследует особенности восприятия партнерских отношений.

В заключительном разделе сборника представлены рефераты на монографии Дж. Бурк «История боли: От молитвы до болеутоляющих» и А.В. Нагорной «Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений».

Introduction

The new issue of the Yearbook is comprised of papers submitted by the participants of the International Multidisciplinary Conference «Homo Percipiens: Perception in Contemporary Humanitarian Knowledge» which was run by the Institute of Scientific Information for Social Sciences in conjunction with the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences on April 6, 2015.

The main objectives of the conference consisted in defining the role and place of the Humanities in studying perception and in discussing possibilities of cooperation between the Humanities in studying perceptual processes.

The conference embraced a wide range of philosophical, sociological, psychological, cultural and linguistic issues. Among them were embodiment as an object of research in the contemporary Humanities, the structure of the discursive space of perception, methodology and methods of studying perceptual phenomena, types of perception and research into them, cultural and historical specificity of perceptual processes, perception and cognition, verbalization of sensations, perception in Literature and Art and others.

The Yearbook opens with the paper by L. Skvortsov «Perception and Information» which considers the role, value and essence of the Truth in the information era.

The volume contains six sections.

Section 1 entitled «Theoretical issues of perception in the Humanities» presents papers which lay out the methodological foundations for the study of perceptual processes.

The paper contributed by A. Nagornaya contains a review of contemporary humanitarian research into perception. The author argues for the validity of perception as a research field for the Humanities and considers the main lines of research into perceptual processes in the contemporary Humanities. The paper by D. Nikoulitcheva deals with the perception of time and establishes correlations between the subjective perception of time, its metaphorical representation and the language categories of tense and aspect. Time as a phenomenon is analyzed in the paper by N. Kudriavtseva, who approaches it as a sensation and as a philosophical metaphor. The paper by I. Zhuravlev and I. Zhuravleva considers the issue of the methodological basis for the general theory of perceptual activity and looks into the mechanisms and techniques of persuasive communication. S. Kalinin studies the status of perception as a category in H. Maturano's theory and analyzes the correlation between perception and cognition. I. Guseinova's paper describes the language means employed in the visualization of the emotional and the rational in German poetry. D. Tregubova addresses the issue of ethnicity and suggests an interpretation for the category «ethnic self-consciousness». G. Khlebnikov carries out research into the role of perception in ancient philosophical theology and

analyzes different types of perception of the supernatural.

Section 2 is entitled «Linguacultural analysis of the objects of perception».

It opens with the paper by M. Kiose who considers inferential and bodily-inferential techniques of conceptualizing the referent in the English and Russian languages. M. Yasinskaya's paper describes the mythological motifs related to the perception of vision in the Slavic culture. M. Rarenko focuses on the ways of conceptualizing pain which are accepted in the English linguaculture. E. Yakovenko researches into ways of verbalizing interoceptive sensations in Biblical texts.

Section 3 of the volume focuses on the experimental analysis of perceptual processes.

M. Khitina's paper deals with the sense perception of voiced tests. E. Yakovleva describes an auditive experiment which was carried out in order to reveal the cognitive features of perceptual behavior in speakers of different languages. The paper by A. Kuznetsov tackles the issue of presenting the semantics of a word in explanatory dictionaries and describes an experiment aimed at revealing the shortcomings in the existing definitions. R. Potapova and L. Komalova presented the results of an experimental study which dealt with the perception of aggressive behavior based on the auditory image.

Section 4 focuses on the issues of perceptual semantics.

I. Zykova studies the role of perception in the formation of phraseological meanings. L. Molchanova reveals regularities in

the organization of the lexico-semantic field of visual perception in German. O. Chaley presents a study of taste perception as reflected in the semantics of the adjective 'astringent'. The paper contributed by G. Durinova analyzes the semantic structure of the poem «Attempt of Chamber» by M. Tsvetayeva.

Section 5 focuses on the issues of perception and discourse analysis.

E. Oparina analyses ways of metaphorical conceptualization of the psychological and emotional aspects of acting and the techniques of acting in the theatrical discourse of the 20th century. G. Fadeeva carries out linguistic research into the perception of music and art. M. Tomskaya deals with the perception of multimedia presentations by students. N. Troshina studies the concept BERLIN WALL and analyses the role of conceptual landmarks of discourse in the formation of social perception. S. Sergeyev looks into the peculiarities of partner relationship within the general context of family issues.

The final section of the volume contains two reviews: J. Bourke's «The Story of Pain: From Prayer to Painkillers» and A. Nagornaya's «Discourse of the Inexplicable: Verbal Representation of Inner-Body Sensations».

Перцепция и информация

Л.В. Скворцов

УДК 122/129

В статье рассматривается, что происходит с истиной, когда объект реальной действительности превращается в информацию. Когда скоро реальность мира предстает в виде информации, это открывает возможность считать адекватной информацию без истины. Доказывается, что если информационный демиург формирует окружающий смысловой мир в соответствии со своей волей, то возникает возможность расщепления между формируемыми смыслами и истиной действительной жизни. Вместе с тем поведение приобретает ситуационный характер, информационная достоверность которого имеет приоритет по отношению к универсальным нравственным категориям добра и справедливости.

Ключевые слова: миропонимание; истина; информационный универсум; естественная информация; перцепция информации.

The paper analyses what happens to truth when a real object turns into information. As the reality of the world is represented in the form of information, it opens an opportunity to consider information adequate without it being true. The paper attempts to prove that if the information demiurge forms the world of

meanings in accordance with his will, there appears a possibility of a split between the meanings being formed and the truth of real life. At the same time, behavior takes on a situational character, whose informational validity has priority over the universal moral categories of virtue and justice.

Keywords: world view; truth; information environment; natural information; information perception.

Оксфордский словарь английского языка определяет перцепцию как способность видеть, слышать или становиться осведомленным о чем-либо через посредство ощущений, как путь рассмотрения, понимания или интерпретации чего-либо [Concise Oxford English Dictionary, 2011, p. 1063].

Перцепция – это тот путь, который связывает Ego, т.е. внутреннюю сущность субъекта, с окружающим его миром. Познание мира обычно рассматривается как результат контакта через посредство перцепции, так что истина бытия полагалась продуктом *адекватного отражения*. Если органы ощущений человека находятся в нормальном состоянии, то человек через них получает *истинное знание*. Но что происходит с истиной, когда объект реальной действительности превращается в информацию?

Как известно, уже античная философия поставила под сомнение совпадение истины с перцепцией объектов реального мира. Ощущения обманывают человека: солнце он видит как диск размером с колесо, тогда как в действительности оно многократно превышает размер земного шара. Это каса-

ется и других форм перцептивного восприятия реальности.

Значит, истина добывается иным путем – путем мышления, позволяющего дать адекватную интерпретацию переменчивых ощущений и определить те константные свойства бытия, которые и совпадают с истиной. Следовательно, истина знания может не только отклоняться, но и противоречить представлениям, которые возникают на основе перцепции.

Однако если истина разума является отличной от эмпирической реальности, данной в перцепции, то тогда следует признать *удвоение мира* – мира, который складывается из всего многообразия ощущений – зрительных, слуховых, вкусовых, осязательных, обонятельных, – и мира, который возникает в результате смысловых комбинаций абстракций разума.

Противостояние гносеологии эмпиризма и рационализма с их убедительной аргументацией находит свое разрешение в специфическом агностицизме, который заключает весь внешний мир в «скобки», предлагая согласиться с предположением, что его «как бы» не существует, во всяком случае, не существует для истинного знания. И тогда человек начинает видеть себя в специфическом универсуме, в котором объективность реальности формируется внутренней интенцией человека: человек, обладающий интенцией, т.е. намерением, стремлением, всегда стремится к *чему-то, что он знает*. Это и есть тот объект, который существует реально и в то же время о котором человек имеет знание, поскольку

он является продуктом его интенции.

Каким бы парадоксальным ни казалось это миропонимание, оно в XX в. становится одним из ключевых факторов, определяющих мотивы, характер и смысл социального поведения. Это – своеобразная философия эпохи, которая становится все более доминирующей в эру информационного общества и возникновения глобального информационного универсума. Мир, окружающий сегодняшнего человека, – это мир плюрализма объективностей, данных в форме информации. Коль скоро реальность мира предстает в форме информации, она не затрагивает фактической и моральной реальности, и в этом заключается ее фундаментальная ущербность: *она открывает возможность считать адекватной информацию без истины.*

Следует заметить, что отчасти сама эволюция философской истины может подводить к такому заключению. На самом деле, для того чтобы получить адекватное представление о сущности Бытия, философ должен был оставить мир явлений, увидеть то, что находится за явлениями, это значит – разгадать тайну источника *игры теней*, которую, согласно Платону, видит человек и принимает за истину. Ученый, как и философ, не только описывает лежащие на поверхности явления окружающей действительности, но и проникает в их внутренний механизм, в клеточное строение и генетический код живых организмов. Но какая картина ему открывается при этом? Вместо прекрасной тропической птицы с удиви-

тельным оперением и уникальным пением он начинает видеть какую-то серую абстрактную картину точек, кривых линий, движение жидких масс. Но считается при этом, что он проникает в истину сущности жизни.

Как ведет себя, на что ориентируется молодой человек, который влюбляется в свою будущую спутницу жизни? Это – чудо красоты ее тела, выражение ее глаз, звучание ее голоса. Но если взглянуть на это тело с позиций анатомии, проникающей во внутреннюю сущность тела, то взгляд молодого человека может замереть от увиденной истины функционирования внутренних органов.

На этот аспект проблемы обратила внимание Ханна Арендт, которая писала: «Первенство явления – это факт повседневной жизни, который ни ученый, ни философ не в состоянии обойти... Против этих непоколебимых убеждений здравого смысла выступает вековое теоретическое превосходство Бытия и Истины над простым явлением, т.е. превосходство *почвы*, которая не выходит на поверхность явления» [Арендт, 2013, с. 30–31].

Философская традиция, полагает Х. Арендт, трансформировала почву в причину, которая имеет более высокий ранг, нежели следствие. И это, считает Х. Арендт, – одно из самых давних и самых стойких метафизических заблуждений. «Оказалось, что ни один человек не может жить среди “причин” или на нормальном человеческом языке дать исчерпывающий отчет о Бытии, чья истина может быть науч-

ным образом доказана в лаборатории и проведена на практике в реальном мире при помощи техники» [Арендт, 2013, с. 31–32].

Таким образом, истина повседневной жизни начинает «расходиться» с научной интерпретацией действительности. В контексте информационного общества проблема затронула бытие самого человека: что считать его сущностной истиной? Тот образ самого себя, который он «слепил» из обстоятельств своей жизни и «выложил» в сеть для всеобщего обозрения, или те его свойства, которые открываются в его медицинской карте и в служебных характеристиках, или же его свойства, отраженные в откликах окружающих его родственников, соседей и сослуживцев? В каждом случае человек так видится самому себе или видится своему окружению. Эти видимости могут быть миражами, которые быстро рассеиваются или, подобно движению солнца, его восходу утром и закату вечером, устоят против любого объема научной информации. «Это тот способ, каким явления Солнца и Земли неизбежно *видятся* всякому привязанному к земле созданию, которое не в силах изменить свое обиталище» [Арендт, 2013, с. 44].

Но как же человек будет видеть цивилизационную истину, находясь внутри действующих информационных систем? Не встает ли вообще проблема *формирования информационного универсума без истины?*

Всемирно-исторические конфессии приучают человека

к восприятию божественного как порождающего явления жизни и судьбы людей, не являясь перед ними в своей подлинной сущности.

В информационном обществе возникает цивилизационная ситуация, при которой создатели информационных систем и программ определяют явления информационного общества и, в известном смысле, судьбы людей. Они остаются при этом невидимыми. Если информационный демиург формирует окружающий людей смысловой мир в соответствии *со своей волей*, а не в соответствии с тем, что происходит в действительной жизни, то возникает возможность расщепления между формируемыми смыслами и истиной действительной жизни.

Рождается информационный мир, параллельный действительному миру и нагруженный своими специфическими видимостями, критерием которых является «полезность», а не «истинность». Этот процесс начинает получать свое концептуальное оформление. Характерна в этом отношении позиция сотрудника Отдела философии Института неврологии Университета штата Джорджия Андреа Скарантино и сотрудника Отдела философии Университета Миссури Гуалтиеро Пиччинини. Она сформулирована в статье «Информация без истины» [Scarantino, Piccinini, 2010]. Авторы формулируют свою позицию вполне внятно. Согласно тезису Достоверности (*Verdicality thesis*), информация требует истины. С этой точки зрения дым свидетельствует о наличии ог-

ня только в том случае, если огонь – это действительно огонь. Утверждение, что у Земли две Луны, имеет значение лишь в том случае, если действительно у Земли существуют две Луны.

Мы, утверждая авторы, отвергаем тезис Достоверности и доказываем, что основные понятия информации, используемые в когнитивной науке, позволяют «А иметь информацию о наличии Р даже тогда, когда Р ложно». Отвержение тезиса Достоверности обусловлено взглядами, согласно которым (1) когниция включает в себя производство информации и (2) компьютерные системы производят информацию [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 313]. При этом делается отсыл к *здоровому плюрализму* в теории информации, допускающему виды информации, которые несовместимы с тезисом Достоверности.

Какие доводы позволяют легитимизировать информацию вне тезиса Достоверности? А. Скарантино и Г. Пиччинини считают, что применительно к информации правомерно использование *смешанной концепции*.

Тезису Достоверности не хватает различения между *двумя понятиями семантической информации*. Семантическая информация имеет дело с семантическим содержанием или *смыслом* сигналов. Существует по крайней мере два важных вида смысла, а именно естественный и ненатуральный смысл. Такова точка зрения, высказанная Полем Грайсом в 1957 г. [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 314]. Естественный смысл

иллюстрируется таким предложением: «Эти пятна на коже означают инфекционное заражение», что является истиной.

Ненатуральный смысл иллюстрируется предложением: «Эти три удара колокола означают, что автобус заполнен». Это является истиной, если даже автобус не заполнен [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 315], поскольку относится к установленному правилу вообще, а не к тому, что происходит здесь и сейчас. Эти два понятия информации существенно различны, и чтобы определить, включает ли информация истину, нужно рассмотреть оба. Естественная информация ближе всего к тому понятию, которое, считают авторы, наиболее часто обсуждается такими философами, как Ф. Дрецке, Дж. Фодор, Р.Дж. Миликан, Дж. Коген и А. Мескин. С этой точки зрения критик может сказать, что понятие ненатуральной информации проблематично, поскольку оно включает интенциональный контент, т.е. декларативный, но не действительный контент. Ненатуральная информация не может быть использована для того, чтобы натурализовать интенциональность. И наша цель, утверждают авторы, не в том, чтобы натурализовать интенциональность, что пытаются сделать такие философы, как Ф. Дрецке, а понять ту центральную роль, которую играет информация в когнитивных и компьютерных науках (см.: [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 315]).

Когда ситуация проясняется, можно принять решение о том, какому понятию информации теоретик будет следовать,

могут ли пятна на коже нести естественную информацию об инфекции, если инфекция отсутствует. Может ли дым нести естественную информацию об огне, если огонь отсутствует? Может ли звук дверного колокольчика нести естественную информацию о ком-то, находящемся у двери, даже если там нет никого? Согласно П. Грайсу, ответ на эти вопросы только один – «Нет!».

Авторы отступают от этой стандартной позиции, утверждая, что передача естественной информации может включать в себя не более чем истину заявления о возможности. Сигналы такого рода несут натуральную информацию о возможности того, о чем они говорят. В этом смысле пятна на коже пациента несут естественную информацию об инфекции в том смысле, что пациент, имеющий пятна на коже, скорее мог подхватить инфекцию, нежели тот, кто таких пятен на коже не имеет. Если это признается, то тезис Достоверности может быть сформулирован следующим образом: «Если система А имеет информацию о наличии Р, то тогда есть Р». Таким образом, важно отличать пробабилистскую натуральную информацию (В, возможно, является G) от естественной информации (В является G), которая следует принципу «все или ничего». Это различие имеет ключевое значение для толкования естественной информации [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 316].

Теоретики естественной информации фокусируются, главным образом, на принципе «все или ничего» относи-

тельно естественной информации. Теория информации рассматривается как глава в теории познания, и поскольку, как считает Ф. Дрекке, знание требует истины, то и информация также ее требует. И с этим трудно не согласиться. Информация без истины или вопреки истине превращается в дезинформацию.

А. Скарантино и Г. Пиччинини, однако, считают, что такая позиция ведет к отрицанию натурального характера пробабилистской информации: правильный тезис, что информация может подчиняться знанию, ошибочно отождествляется с ложным тезисом, что информация во всех случаях подчиняется знанию [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 317]. *Значит, информация может и не подчиняться знанию.* Обращается внимание на известный природный факт, что организмы выживают и воспроизводят себя, настраивая на относящуюся к ситуации, но несовершенную корреляцию между внутренними состояниями и внешними стимулами, между окружающими стимулами, угрозами и возможностями: возникает звук приближающегося хищника, и начинается бег ланей; появляющаяся краснота зреющего яблока делает его привлекательным. Организмы могут ошибаться. Некоторые ошибки точно вызываются пробабилистской информацией о событиях, которую не удалось получить. Ключевой момент состоит в том, что неудача в получении такой информации сопоставима с неполучением естественной информации [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 319].

Авторы анализируют пример П. Грайса с тремя ударами колокола, свидетельствующими о том, что автобус заполнен пассажирами. Но если водитель производит три удара колокола, когда автобус почти пуст, то в этом случае мы скажем, что три удара колокола означают ложную (ненатуральную) информацию о заполняемости автобуса. Адвокаты тезиса Достоверности предлагают именно такую интерпретацию этого явления, полагая, что ложная информация в действительности информацией не является. Соответственно, они защищают применение тезиса Достоверности к ненатуральной информации. Наиболее аргументированную защиту этой позиции предлагает Л. Флориди, который расширяет аналогию, предложенную Ф. Дрекке, что ложная информация и дезинформация – это такие же виды информации, как подсадная утка или резиновая утка, которые представляются настоящими утками. Эта аналогия представляется особенно уместной, если ее сопоставить с панорамой современных информационных войн, которая «усажена» информационными подсадными утками.

Механизм возможной информации «работает» так, что возможная информация подается как натуральная, и таким образом достигается нужный политический эффект здесь и сейчас. Открытие истины через определенное время, как кажется, значения не имеет. Пробирка, в которой заключено вещество, представляющее угрозу для человечества, становится основанием для начала военного вторжения в суве-

ренное государство. Когда обнаруживается, что такое вещество в данном суверенном государстве не производится, это кажется освежающей, но несколько запоздавшей новостью, не имеющей действительного определяющего эффекта. Теоретическая «фишка» заключается в том, что информация о возможности, в данном случае не соответствующая тезису Достоверности, оказывается более эффективной, чем последующая информация о том же явлении, соответствующая тезису Достоверности. Кроме того, ясно, что компьютерщики включают как истинную, так и ложную информацию под рубрикой информации. Это становится дополнительным доводом считать ложную информацию информацией.

А. Скарантино и Г. Пиччинини также обращают внимание на *декларативную* ненатуральную информацию – вид информации, ассоциируемый с декларативными предложениями. Эта информация оценивается с точки зрения истины – она может быть истинной или ложной, но и ненатуральная ложная информация также считается информацией.

Существуют также формы ненатуральной информации, которые не подлежат оценке с точки зрения истины. К числу таких форм информации относится ненатуральная информация, которая не имеет оценки с точки зрения истины, например информация, представляющая указание, что нужно делать. Если вы говорите – «пристегните ремни», то вы представляете информацию для пассажиров авиалайнера. Вы информируете, что нужно делать, но эта информация не оце-

нивается с точки зрения истинности или ложности: она рассматривается с точки зрения ее фактической наличности.

А. Скарантино и Г. Пиччинини называют речевые акты, передающие информацию: команды, советы, запрещения, инструкции, разрешения, предположения, настояния, предупреждения, согласия, гарантии, приглашения, обещания, извинения, поздравления, приветствия и многие другие. Однако эти речевые акты не ставят своей целью что-то обрисовать.

Авторы обращаются также к оценке суждений, которые являются информацией, но в то же время не могут быть признаны в качестве безусловной истины. К их числу можно отнести следующее суждение: «В универсуме повсюду существует жизнь». Это – гипотетическая информация о том, что повсюду в универсуме мы можем обнаружить жизнь. Мы знаем, что это суждение не имеет реального подтверждения, однако это будет информацией, даже если мы знаем, что жизнь не существует во всех частях универсума.

Требовать от ненатуральной информации, чтобы она была истинной, считают авторы, – это значит не позволять нам понимать недекларативные речевые акты как имеющие что-то общее с передачей информации.

Аналогичные выводы можно сделать и в плане использования понятия «информация» в компьютерной науке. Компьютеры оперируют данными на основе инструкций. Данные и инструкции, которыми манипулируют компьютеры,

внутренне идентичны, хотя и играют разную роль. Данные имеют семантический контент, компьютерные инструкции также интерпретируются семантически. Но инструкции не истинны и не ложны.

Таким образом, понятие информации охватывает различные формы семантического контента, которые могут быть истинными, ложными, а также неистинными и неложными. Это и позволяет авторам относить к информации ложные данные и ложные декларативные заявления.

Однако это коренным образом видоизменяет всю гносеологическую ситуацию. Возникает вопрос: почему философы, начиная со времен Античности, говорили о сакральности истины? Как оказывается, информационное общество, превращая информацию в универсальную среду жизни, принятия решений и массового поведения, уравнивает натуральную и ненатуральную информацию. Происходит десакрализация истины. Приоритет и сакральность истины естественным образом начинают вытесняться из массового сознания, замещаясь *достоверностью отправления и получения* данных информации. Приоритет приобретает не истина *содержания* информации, а *эффект ее воздействия* независимо от того, как она оценивается с точки зрения истинности содержания. Происходит формирование качественно новой духовной среды, реагирующей на получаемый информационный посыл. Соответственно, происходит формирование специфических качеств массового сознания, однозначно

реагирующего на информационные сигналы, их содержание без какой-либо оценки с позиций истины и неистины. Возникает *плюральный субъект*, обладающий однородными качествами информационных реакций и массового поведения. Поведение субъекта управляется информацией, которая, как правило, не поддается оценке, соответствующим критериям истины и неистины.

Принимая облегченное и не требующее критического самоопределения информационное управление всеми формами личного поведения, индивид утрачивает то, что называлось «духовностью», утрачивает личную идентичность, которая в своей основе видела совокупность универсальных нравственных и правовых принципов, объединенных двумя основными категориями – добра и справедливости. Поведение во всем многообразии жизненных ситуаций, их сложности и противоречивости сталкивалось с внутренними духовными границами, переступить которые означало потерять самого себя как позитивную личность и уважение своего социального окружения. Это то, что подпадает под понятие человечности, а значит, и взаимного отношения независимо от этнических, национальных, социальных и культурных спецификаций.

Теперь ситуация начинает меняться. Поведение обретает *ситуационный характер*, информационная достоверность которого имеет приоритет по отношению к философским категориям добра и справедливости. Вместе с тем проис-

ходит постепенная деструкция оснований духовной коммуникации: если ослабевают универсальные нравственные и правовые ориентиры внутри личного самосознания, то формы коммуникации определяются изменяющимся характером жизненных ситуаций. Стоящие над ними универсальные нравственные и правовые ориентации воспринимаются как маниловщина и лицемерие.

Потенциальная безграничность характера жизненных ситуаций, а значит, и беспредельность их информационной достоверности становятся предпосылками формирования внутреннего мира личности, который не может иметь ни определенного начала, на твердой основе зрелой жизни, ни смыслового ее завершения.

Кардинальные изменения претерпевает и способность мышления. Если традиционно формирующаяся способность мышления позволяла отличать разум как концептуальное познание от рассудка как понимания восприятий, т.е. многообразия эмпирических реалий, то теперь все явления сознания воспринимаются как информация, внутренние различия которой опосредуются характером ее воздействия на принимаемые решения и формы поведения. Если определенность истины является основанием необходимости той или другой формы поведения, то достоверность бесконечного многообразия информации предопределяет случайный характер массового поведения.

В известном смысле можно рассматривать первоначаль-

ные стадии формирования и эволюции цивилизаций как стадии решения ключевой программы соединения случайных форм поведения и человеческих отношений с необходимыми формами, соответствующими интересам формирования устойчивых цивилизаций. Исходная истина в решении этой проблемы состоит в свободном подчинении личной воли тому закону, который обуславливает безусловную устойчивость цивилизации как целого.

Для того чтобы это превратилось в реальность массового поведения, должны возникать духовно-социальные образования, обладающие безусловным авторитетом, в котором социальная масса наряду с несомненным убеждением видит не только что-то полезное и необходимое для себя в силу каких-то конкретных причин, но и реальное выражение беспримесной истины и несокрушимой правды.

Именно выражение беспримесной истины и несокрушимой правды воспринималось критическим умом скептически, поскольку для безусловной доказательности истины такого восприятия необходимо эмпирическое видение универсального бесконечного. Универсальное бесконечное, недоступное зрительному, слуховому, тактильному, вкусовому, обонятельному восприятию, как невидимая душа мира влияет на возникновение внутренней гармонии рождающейся цивилизации, на метаморфозы ее исторических форм. И только философия может делать видимой невидимую душу мира.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Жизнь ума / Пер. с англ. Говорунова А.В. – СПб., 2013. – 517 с.
2. Concise Oxford English dictionary. – Oxford, 2011. – XXIX, 1682 p.
3. *Scarantino A., Piccinini G.* Information without truth // *Metaphilosophy*. – New Haven, 2010. – Vol. 41, N 3, April. – P. 313–330.

Теоретические проблемы перцепции в гуманитарных науках

Перцептивные феномены как объект исследования в современных гуманитарных науках

А.В. Нагорная

УДК 009

Данная статья содержит обзор современных гуманитарных исследований перцептивных процессов. Описываются факторы, способствовавшие формированию проблемного поля «перцепция», рассматриваются основные направления исследований, определяется роль лингвистики как средства интеграции гуманитарного знания.

Ключевые слова: гуманитарные науки; меж- и трансдисциплинарные исследования; перцептивные процессы; сенсорium.

The paper contains a review of contemporary research into perceptual processes carried out in the Humanities. The paper identifies the factors that have contributed to a rapidly growing interest in perception as a research issue, considers current trends

and defines the role of Linguistics as a means of integrating humanitarian knowledge.

Keywords: the Humanities; inter- and transdisciplinary research; perceptual processes; sensorium.

Способность испытывать ощущения издавна признается одной из сущностных характеристик человека и необходимым условием для его выживания в мире и приобретения знаний о нем. Неслучайно еще в XVIII в. И.Г. Гердер назвал человека «всеобщим сенсориумом», эксплицитно сформулировав представление, которое в той или иной форме присутствовало во множестве философских течений и школ.

Будучи объектом пристального научного внимания на протяжении столетий, сфера человеческих ощущений остается, однако, столь же малоизученной и противоречиво трактуемой, как и 2,5 тыс. лет назад, когда Аристотель полагал, что источником всех ощущений является сердце.

О недостаточной изученности сферы ощущений говорит хотя бы тот факт, что ученые до сих пор не могут достичь консенсуса в решении столь базового, основополагающего вопроса, как количество ощущений и их классификация.

Традиционно считается, что человеческий сенсориум имеет пятичастную структуру и включает в себя зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Эта классификация была предложена еще Аристотелем и прочно закрепилась в сознании любого представителя так называемой западной культуры. Тем не менее в литературе неоднократно высказыва-

лась мысль о том, что эта пятичленная модель не является научно обоснованной, и в ее основу, скорее всего, были положены нумерологические принципы, желание вписаться в «красивое» число, а не философские соображения и уж тем более не научные изыскания [Synnott, 1993, p. 155]. Именно этот классификационный эстетизм вдохновил десятки художников и скульпторов на создание разнообразных аллегорий ощущений, внося тем самым неоценимый вклад в развитие европейского искусства (Я. Брюгель, П. Рубенс, Г. де Лэресс, Л. Финсон, Ж. Линар, Т. Ромбоутс, Г. Макарт и др.). Вклад в науку оказался куда менее однозначным. Уже Гален говорил о существовании шести ощущений. В более поздние периоды ученые выделяли от восьми (М. фон Фрей) до двенадцати (Э. Дарвин, А. Соесман).

Неудовлетворенность «традиционной пенталогией» [Serres, 2008, p. 3], желание дополнить ее ощущались и за пределами научных дискурсов, в бытовом, повседневном общении. Неслучайно во многих языках мира сформировалось понятие «шестое чувство» (ср. англ. «the sixth sense»), которое, в отличие от традиционных пяти, так и остается неопределенным, незазванным, предоставляя каждому возможность дать свой собственный, наиболее близкий ему ответ. На роль шестого чувства претендуют интуиция, экстра-сенсорное восприятие, чувство прекрасного, чувство юмора и множество других чувств и ощущений, причем, что примечательно, в рамках наивной, ненаучной картины мира

не принято проводить четкой границы между ощущением и чувством, между физическим и метафизическим, между органическим и духовным.

Еще более сложной картина становится в том случае, если мы выходим за пределы конвенций, принятых в западной культуре, и обращаемся к изучению сенсорiums человека, воспитывающегося в других традициях. В культуре народности анло-эве, например, одним из главных ощущений признается баланс, поскольку с ранних лет способность балансировать предметы на голове является важнейшей частью жизни людей. Еще более интересно то, что в культуре этого народа сформировано понятие *seselelame* – ощущение внутреннего органического чувства [Geurts, 2002, p. 52]. У народности цоциль, принадлежащей племенам майя, культивируются температурные ощущения; для десана в Амазонии большое значение имеет кросс-сенсорное, или, как мы бы сказали, синестетическое, восприятие; в Перу в галлюциногенном опыте различается специальный модус «синестетического зрения»; у народов Западной Африки наблюдается способность к различению различных нюансов «мышечных ощущений» (см., например: [Howes, 2006]). Изучая подобные факты, американский антрополог Эдвард Т. Холл высказал мысль о том, что «люди, принадлежащие различным культурам, не только говорят на разных языках, но и, что, возможно, важнее, *населяют различные сенсорные миры*» [Hall, 1966, p. 2] (Ред. – А. Н.).

Учитывая эту кросскультурную перспективу, проблема создания исчерпывающей номенклатуры ощущений представляется весьма трудноразрешимой. В определенном смысле выход из этого эпистемологического тупика предложили физиологи в начале XX в., используя имевшиеся на тот момент методы точного исследования. Так, в 1906 г. Ч. Шеррингтон предложил выделить три группы ощущений: 1) *экстероцептивные* – возникающие при воздействии на рецепторы, расположенные на поверхности тела; 2) *проприоцептивные*, или кинестетические, – возникающие при воздействии на рецепторы, расположенные в мышцах, сухожилиях и суставных сумках и свидетельствующие о движениях и относительных положениях частей тела; 3) *интероцептивные*, или органические, – обусловленные обменными процессами во внутренней среде организма [Sherrington, 1906]. Разумеется, Шеррингтону не удалось поставить точку в многовековых спорах, но он внес некоторое упорядочивающее начало, положив в основу научный, эмпирический критерий и задав определенные концептуальные векторы в исследовании перцепции.

Вопрос о номенклатуре ощущений продолжает оставаться дискуссионным и в наши дни. Но еще большую важность и остроту приобретают многие другие проблемы, связанные с человеческой «сенсорной экипировкой» и способностью к ее использованию.

На рубеже XX и XXI вв. перцептивная проблематика, ко-

торая традиционно закрепились за психологией и философией, совершает активную экспансию в другие гуманитарные науки – культурологию, социологию, антропологию, литературоведение и лингвистику.

Этот новый всплеск интереса к изучению перцепции был вызван сложной совокупностью факторов. К числу основных из них, по-видимому, следует отнести общий парадигмальный сдвиг, связанный с помещением человеческого тела в эпицентр научных исследований. Ученые называют этот процесс «реабилитацией тела как объекта познания» [Быховская, 2000, с. 5], «радикальной переоценкой тела» и «возданием ему должного» [Sheets-Johnstone, 1992]. Изменение отношения к телу естественным образом способствовало росту интереса к изучению различных аспектов его бытия, в том числе и сферы ощущений.

Этот научный сдвиг явился не только результатом формирования соответствующего научного климата, но и ответом на определенный социальный заказ. Существенно изменились образ жизни современного западного человека и та среда, которая его окружает, и эти изменения потребовали серьезного научного осмысления. Формирующаяся сенсорная среда предлагает принципиально новый набор так называемых аффордансов – т.е. спектр возможных телесных взаимодействий с ней, предполагающих получение сенсорной информации. Как справедливо отмечал французский живописец и скульптор Фернан Леже, еще в середине XX в., «...

в наше время простой человек получает в сотни раз больше сенсорных впечатлений, чем художник, живший в XVIII в.». Однако с того момента, как Леже сделал это наблюдение, прошло более 70 лет, и сенсорная среда претерпела за это время кардинальные изменения. Пожалуй, главное из них связано с развитием цифровой среды, предлагающей принципиально новые способы восприятия реальности и существования в ней. Изменилось само представление о том, как взаимодействуют различные органы чувств и как ими следует пользоваться. Наглядной иллюстрацией тому является получивший широкую известность в Интернете ролик, в котором годовалая девочка, привыкшая воспринимать зрительные образы на iPad, пытается применить те же принципы при взаимодействии с более традиционными бумажными изображениями. Она пытается переместить изображение на странице с помощью пальцев и увеличить его¹. Для нее связь зрительного восприятия с тактильным навсегда будет отличаться от нашего, традиционного, до-iPadного, и для нее журнал всегда будет «сломанным iPadом». Этот ребенок уже не тот типичный европейский «человек-глаз», о котором говорил Л. Окен, а человек «руко-глаз». Последствия такого погружения в цифровую среду пока оценить трудно, поскольку сама технология появилась лишь в 2010 г., и проводить лонгитюдные исследования пока не представляется возможным, но проводить их, очевидно, необходимо, причем оцен-

¹ Mode of access: <http://www.youtube.com/watch?v=aXV-yaFmQNk>

ка изменений требует не только фиксации новой архитектуры нейронных связей, но и глубокой философской рефлексии, психологических исследований и выстраивания определенной дидактико-педагогической перспективы, учитывающей новые перцептивные привычки современного человека. К другим, менее заметным инновациям, существенно изменяющим наши перцептивные привычки и обогащающим нашу «сенсорную экипировку», относятся 3D технологии, виртуальные манипуляторы, тепловизоры, компьютерные томографы и множество других.

Потребность в научном исследовании перцептивных процессов связана и с формированием концепции инклюзивного общества, предполагающей построение безбарьерной среды для всех категорий граждан, а такая среда неизбежно должна учитывать их перцептивные ограничения и те технологические возможности, которые помогут эти ограничения преодолеть.

Существуют и куда менее благородные, сугубо прагматические цели: воздействие на сенсориум с целью продвижения продукции на рынке, создания сенсорно-эффективной рекламы, воздействующей на самые базовые, дорассудочные модусы познания.

Необходимо отметить также, что росту научного интереса к перцептивной проблематике в немалой степени способствовало и появление нового методологического и методического инструментария. Феноменологическая концепция М.

Мерло-Понти, теория аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы, теория воплощенного мышления (embodied cognition) и созданная на ее основе теория воплощенного значения (embodied meaning) (А. Кларк, Л.А. Шапиро, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) позволили подойти к изучению перцептивных процессов на качественно новом уровне, способствовав синтезу знания и развитию эмпирических исследований в данной области. Дополнительным толчком к исследованию перцепции послужило формирование когнитивной парадигмы в психологии (В.Н. Дружинин), культурологии (Е.Я. Режабек, А.А. Филатова) и лингвистике (У. Крофт, Д.А. Круз, Р.У. Гиббс, Б. Берген и др.).

Чрезвычайно важным представляется и формирующаяся концепция меж- и трансдисциплинарности, создающая условия для конструктивного, взаимообогащающего диалога между представителями различных дисциплин и оправдывающая необходимость выхода за пределы дисциплинарных границ при исследовании феноменов, характеризующихся «нередуцируемой многомерностью» [Киященко, 2009, с. 11].

Рассмотрим вопрос о том, как расставлены акценты в современных гуманитарных исследованиях перцепции и какие направления в ее изучении формируются в настоящее время.

Отправной точкой современных гуманитарных исследований является положение о том, что ощущение не есть про-

стая физиологическая реакция организма. Оно всегда представляет собой «культурную производную», продукт «сложного взаимодействия тела и разума» [Morris, 1993, p. 27] и формируется в результате усвоения и «присвоения» индивидуумом культуры, в которой он воспитывается [Vannini, 2012].

Эта идея на протяжении уже 50 лет активно обсуждается историками и антропологами. Ведущими учеными в области антропологии ощущений являются М. Маклюэн и Д. Хауз, которые предприняли попытку создания «перцептивных профилей» различных обществ.

М. Маклюэн полагает, что различие между западной культурой и Востоком, а также «племенной» культурой Африки объясняется разным «соотношением ощущений», обусловленным технологическим прогрессом и принципами коммуникации. Он высказывает предположение, что в своем сенсорном, перцептивном развитии общество проходит четыре стадии: устно-слуховую, рукописную, типографскую и электронную. В устно-слуховых обществах основу коммуникации составляет речь. В таком обществе слух имеет большое значение, так же как и осязание и обоняние, поскольку для общения люди собираются вместе, и прикосновения и запахи составляют часть этого синестетического коммуникативного комплекса. По мнению Маклюэна, все бесписьменные сообщества имеют одинаковый синестетический сенсориум, в котором преобладает слух.

На рукописной стадии устно-слуховой модус вытесняет-

ся зрительным. Принципиально важную роль в этом процессе играет фонетический алфавит, которому Маклюэн отводит роль ведущей силы в переходе человека от племенной к цивилизационной фазе, поскольку он дает нам вместо уха глаз. Рукописная культура, по мнению ученого, является аудиально-тактильной по сравнению с культурой печатной. Средневековый человек, как утверждает Маклюэн, читал не глазами, как сейчас, а губами, проговаривая то, что он видел, и ушами, вслушиваясь в произносимые слова, слыша то, что называется «голосом страниц». И лишь с введением книгопечатания сформировалась «сенсорная галактика Гуттенберга» – мир, в котором зрение стало главным, затмив все остальные виды перцепции. Вызванная книгопечатанием революция связала воедино зрение и логику, зрение и мышление, зрение и объективность. В отличие от звука, который проникал в слушателей и окружал их, зрение объективировало то, что было видимо, предоставляя зрителю перспективу, расстояние, баланс, отстраненность и ощущение самости. Наступила гегемония глаза, являющаяся ярчайшей чертой западного общества, отличающего его от Востока и примитивной Африки. По Маклюэну, последняя стадия, электронная, воссоединяет ощущения, наглядным доказательством чему служит упомянутая ранее девочка с iPad [McLuhan, 1962].

Отдельное, хотя и не совершенно самостоятельное направление исследований составляет история ощущений, за-

дача которой формулируется как определение их значения и функций в том или ином историческом контексте. Предлагается изучать «перцептивные измерения истории» и писать об ощущениях с той же полнотой и точностью, которой мы требуем от себя, когда обсуждаем политику, философию и социальные движения [Smith, 2007].

Перцептивная проблематика активно и планомерно осваивается культурологами, работающими в условиях активно-го диалога с историками и антропологами. Появляются исследования с весьма показательными названиями: «Культурная история осязания» [Classen, 2012], «История боли: От молитв до болеутоляющих» [Bourke, 2014], «Культура боли» [Morris, 1991], «Культуры слуха: очерки о слухе, слушании и модернизме» [Erlmann, 2004], «Сандаловое дерево и мертвечина: Запах в индейской религии и культуре» [McHugh, 2012] и множество других.

Перцепция как научная проблема весьма значима для литературоведения. Сенсорно-перцептивный опыт не раз описывался как необходимое условие для развития творческого мышления и воображения. В своей работе о писателях и поэтах романтического направления К. Максуйни приводит цитату из одного письма С.Т. Кольриджа, который пишет, что «великий поэт должен иметь ухо дикого араба, вслушивающегося в тишину пустыни, глаз североамериканского индейца, идущего по стопам врага по устилающей лес листве, прикосновение слепца, проводящего рукой по лицу любимого».

го ребенка» [McSweeney, 1998, p. 3] (*Перевод наш. – А. Н.*). В современное литературоведение вводится понятие «письма от тела» или «телесного письма» [Badley, 1996, p. 1], в котором автор задействует все свои перцептивные модусы и апеллирует к ощущениям своего читателя, ожидая от него соответствующего перцептивного отклика.

Социологический взгляд на ощущения панорамно представлен в журнале «Ощущения и общество» (*The Senses and society*), регулярно выходящем в Великобритании с 2006 г.

Активно развивается направление, именуемое «сенсорным музееведением», суть которого заключается в создании особой музейной среды, воздействующей на сенсориум своего посетителя и позволяющей добиться его вчувствования, вдействия в музейную экспозицию, в первую очередь посредством «тактильного участия» («*tactile engagement*») [Howes, 2014, p. 260].

Перцептивная проблематика все более и более активно осваивается лингвистами, как изучающими отдельные «сенсibiliи» (Б. Рассел), так и предпринимающими попытки создания системной модели человеческого сенсориума [Харченко, 2012; Нагорная, 2014].

Совершенно очевидно, что ни одно из вышеуказанных направлений, несмотря на их четко позиционируемую дисциплинарную принадлежность, не является независимым и самостоятельным. Эти направления тесно переплетаются между собой, заимствуя друг у друга идеи, подходы, методы и

терминологический аппарат. Такой синтез, пусть и не всегда формально признаваемый, естествен, поскольку столь сложное и многоаспектное явление, как перцепция, не может эффективно изучаться посредством одной-единственной «концептуальной линзы», а требует сложной, многоступенчатой «концептуальной оптики», обеспечивающей возможность варьирования угла зрения, приближения анализируемого объекта либо, напротив, удаления его с целью получения более широкой перспективы, членения его на бесконечно малые фрагменты либо рассмотрения «крупным планом».

В условиях такого широкого междисциплинарного диалога естественным образом возникает вопрос о том, какая из существующих наук способна выступить в качестве интегрирующего, обобщающего начала, связующего воедино все многообразные штудии и позволяющего создать новую трансдисциплинарную область.

Есть основания полагать, что наиболее успешно с этой задачей может справиться лингвистика, поскольку именно словесная репрезентация ощущения позволяет нам изучать и анализировать перцептивные процессы как в синхронической, так и в диахронической перспективе. Так или иначе, это понимание пронизывает все существующие работы по перцепции. Известнейший труд М. Мерло-Понти «Феноменология восприятия» открывается вопросом о том, что есть ощущение, ответ на который философ ищет в языке

(«Мы находим в языке понятие ощущения» [Мерло-Понти, 1999, р. 25]). К. Геуртс недвусмысленно заявляет о том, что «понимание значительного количества наших ощущений зависит от языка, который мы используем» [Geurts, 2003, р. 3]. О принципиальной важности языковой составляющей пишут все исследователи, занимающиеся изучением болевых ощущений [Biro, 2010; Bourke, 2014]. Именно языковые, словесные репрезентации предоставляют нам доступ к тем структурам массового сознания, в которых фиксируются результаты перцептивного опыта, и позволяют нам сравнивать сенсориумы разных культур в разные исторические периоды. Язык дает нам ключ к тому понимаю перцептивных процессов, которое стихийно складывается в той или иной культуре, к исконному, «народному» пониманию сенсориума, анализ которого позволит пересмотреть и дополнить существующие научные концепции ощущений. Приведем лишь несколько примеров. Так, носители английского языка обозначают понятия «ощущение» и «смысл» одним и тем же словом («sense»). Это историческое совпадение может быть интерпретировано как исконное понимание того, что смысл происходящего обретается лишь в процессе чувственного его восприятия, а не интеллектуальной обработки. И для русско-, и для англоговорящих «прийти в чувство» («come to one's senses») означает обретение способности логически мыслить. По-видимому, для наивного сознания связь телесно-чувственного с мышлением никогда

не вызывала сомнения, в отличие от сознания научного. По этой же причине, по-видимому, перцептивная лексика часто развивает эпистемические смыслы, используя для обозначения мыслительных процедур («я не *вижу* принципиальной разницы между этими теориями», «I see what you mean»). Анализ подобного языкового материала, несомненно, требует выхода за дисциплинарные границы лингвистики. Однако именно этот материал по сути и является отправной точкой всех гуманитарных исследований, тем самым превращая лингвистику в средство интеграции гуманитарного знания.

Изучение перцептивных процессов в гуманитарных науках находится лишь на одной из начальных стадий. В этих условиях актуально звучит идея «чувственного пробуждения» П. Столлера. По его мнению, ученые должны не только начать изучать ощущения, но и пробудить свой собственный сенсориум. Они должны научиться не только ощущать, но и излагать свои мысли с чувством, страстью, изобретательностью, так, чтобы они пробуждали перцептивный отклик. При этом может потребоваться экспериментирование с формами письма, с организацией работы, с использованием различных модусов репрезентации. П. Столлер пишет: «Застывшее от долгого сна где-то на заднем плане научной жизни, тело ученого жаждет потренировать свои мышцы. Сонное от долгого бездействия, оно стремится восстановить свою чувствительность. Безвольно плывя в море полужизни, оно хочет вдохнуть терпкий аромат бытия, провести ладонью по

рванной поверхности реальности, услышать чудесные симфонии социального опыта, увидеть исполненные чувственности формы и цвета, которые заполняют окна сознания. Оно хочет пробудить воображение и вернуть ученый мир к самим вещам» [Stoller, 1997, p. XII] (Перевод наш. – А. Н.).

Мы убеждены, что такое «чувственное пробуждение» послужит дальнейшим толчком к исследованию перцептивных процессов и будет способствовать новому синтезу знания, прочно укорененного в сфере чувственного.

Список литературы

1. *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.
2. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 606 с.
3. *Нагорная А.В.* Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.
4. *Харченко В.К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
5. *Badley L.* Writing horror and the body: The fiction of Stephen King, Clive Barker, and Anne Rice. – USA: Greenwood press, 1996. – 184 p.
6. *Biro D.* Listening to pain: Finding words, compassion, and relief. – N.Y.; L.: W.W. Norton & company, 2010. – 256 p.

7. *Bourke J.* The story of pain: From prayer to painkillers. – Oxford: Oxford univ. press, 2014. – 396 p.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.